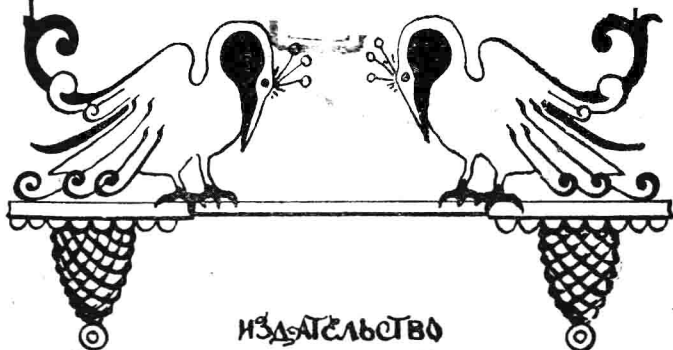

РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

1957

**РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Составитель, автор предисловия и примечаний
Э. В. Померанцева

Под общей редакцией
проф. В. И. Чичерова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Народная устно-поэтическая проза очень многообразна. Сказки, предания, легенды, былички — все эти виды устного повествования имеют свои специфические особенности, отличаются своей тематикой, сюжетами, системой образов, стилем. Вместе с тем они часто настолько близки друг к другу, так легко переходят один в другой, что их иногда трудно разграничить.

Сказку от других видов устной прозы отличает то, что она преподносится рассказчиком как вымысел, как игра фантазии, независимо от того, повествует ли она о Кощее бессмертном, или о Петре I, о Бабе-Яге или о глупом барине и жадном попе. Недаром народ определяет в своих пословицах сказку как «складку», подчеркивая ее отличия от песни, от были. Наличием фантастики определяется существо сказки, ее «сказочность», специфика конкретного воплощения идейного содержания: особенности поэтики, характер сюжетов, система образов, своеобразие реализма сказки.

Сказки о животных, волшебные сказки, авантурные, «исторические», бытовые, сатирические отличаются друг от друга содержанием и формой, однако, все они преподносятся и воспринимаются прежде всего именно как поэтический вымысел.

Таким образом, сказка является эпическим произведением, преимущественно прозаическим, волшебного, авантурного или бытового характера, которое преподно-

сится сказочником и воспринимается слушателями как вымысел.

Все народы мира имеют свои сказки — они отражают жизнь и мировоззрение народа, его мечты о будущем, его оценку настоящего и прошлого, его представления о добре и зле. Созданные трудовым народом, отражающие его борьбу за независимость, его веру в себя и свои силы, его представления о судьбе и доле, сказки разных народов очень близки между собой не только своим идейным содержанием, но и тем, что в них много сходных образов, много общих сюжетов и мотивов. Вместе с тем они глубоко различны, как различна действительность, отражением которой они являются.

Национальные особенности сказок определяются историческими, географическими и экономическими предпосылками, самой жизнью народа, создавшего и хранящего их, условиями его труда, характером его духовных запросов. Сказка отражает жизнь той среды, в которой она складывается, бытует; отсюда, при всей фантастичности сказки, в ней изображаются местные природные условия, конкретная историческая действительность, бытовые детали. Национальная специфика русской сказки заключается в своеобразии ее богатого языка, в характере ее поэтического стиля, в чисто русских бытовых подробностях, в особенностях пейзажа, в том, что в ней рисуется определенный уклад русской жизни, преимущественно крестьянской, определенные социальные отношения.

Наибольшее количество русских сказок, записанных в XVIII—XX вв., рассказано крестьянами и носит ярко выраженный крестьянский характер. Даже быт царей и сказочное тридесятое царство рисуется в них обычно по образу и подобию жизни русской дореволюционной деревни.

Идейное и художественное богатство русской сказки способствовало ее сохранности в устном репертуаре народа, определило интерес к ней лучших русских писателей, художников, композиторов. Общеизвестны восторженные отзывы А. С. Пушкина и А. М. Горького о русской сказке, картины В. Васнецова и И. Билибина на сказочные сюжеты; навеянная сказочными мотивами музыка Н. А. Римского-Корсакова и Сергея Прокофьева.

Основными группами русских сказок являются сказки

с животных, волшебные, бытовые и авантурные. Классификация эта крайне условна, так как часто бывает трудно решить, к которой из этих групп относится конкретный сказочный текст. Сюжет сказки в интерпретации разных сказочников может настолько менять свой характер, что трудно провести резкую грань между отдельными видами сказки. В данном сборнике несколько сказочных сюжетов приведено в разных вариантах ради того, чтобы дать читателю представление о вариативности сказочного эпоса.

Кроме названных основных видов сказки, мы знаем еще сказки-небылицы, построенные на нарочитых нелепцах и этим как бы пародирующие фантастичность традиционной сказки, а также так называемые докучные сказки, и многочисленные прибаутки и присказки. Перекликаются со сказками и легенды религиозного содержания.

Наиболее жизнеспособными из всех видов сказки оказались бытовые сказки, до сих пор имеющие широкое распространение не только в детской, но и во взрослой среде.

В наш сборник включены лишь основные группы сказок: сказки о животных, волшебные, сатирические, авантурные, а также богатырские и «исторические».

Сказок о животных в русском сказочном репертуаре сравнительно мало. В настоящее время они бытуют почти исключительно как «детские» сказки, чаще всего рассказываются женщинами, нянчащими детей, или самими детьми.

Однако не всегда сказки о животных преследовали только цель поучения и развлечения детской аудитории. Первоначально они были рассказами о животных, имевшими производственное и магическое значение в охотничьем быту. Связанные в свое время с насущными жизненными интересами человека, рассказы о животных возникли, несомненно, на очень ранней стадии развития человеческого общества. В фольклоре народов, недавно еще живших охотничьим бытом, мы находим многочисленные, воспринимаемые как быль, рассказы о животных, их чудесном происхождении, их особенностях, фантастические рассказы о брачных отношениях между животными и людьми, о превращении людей в животных

и о животных, принявших человеческий облик. Многие сказки о животных, очевидно, первоначально были рассказами мифологического характера.

В русском фольклоре пережитки анимистического мировоззрения и веры в животное — покровителя рода (т. е. тотемизма) особенно ярко сохранились в сказках о медведе.

Медведь — один из древних тотемов охотничьих народов. У многих народов распространены рассказы о божественном происхождении медведя. Очевидно, культ медведя некогда существовал и у славян; у русских отголоски его сохранились в народных верованиях и сказочном эпосе: в сказке об Иване-Медвежьем ушке, о девочке Маше, которую медведь уносит в лес, о жадных старике и старухе, превращенных в медведей, наконец, в известной сказке о медведе на липовой ноге.

Исчезновение исторических предпосылок, способствовавших возникновению и бытованию этих мифологических рассказов, привело к тому, что сказки о животных потеряли свой мифологический и магический характер, приблизились к нравоучительной басне, стали складываться на иной основе.

Сказки о животных стали аллегорическими историями, героями которых в сущности являются уже не животные, а люди, к которым относится мораль сказки.

Генезис сказок о животных, их связь с древним мифотворчеством, а вместе с тем их бытование в качестве детских сказок определили не только их содержание, но и стиль.

Композиция сказок о животных проста и вместе с тем исключительно целенаправлена. Большую роль в них играет повторяемость одного основного эпизода. На нарочитом подчеркивании этого приема построены так называемые цепевидные сказки типа сказки о «Козе с орехами», в которых повторение дается со все возрастающим наращиванием аналогичных мотивов. По тому же принципу построены и сказки о петушке, о жихарке и многие другие.

В сказках о животных настолько большую роль играет диалог, что они иногда в исполнении хорошего сказочника, рассказывающего сказку «на разные голоса», даже приближаются к народной драме.

Нередко диалог в сказках о животных дается в песенно-стихотворной форме, как, например, в сказке о колобке, о коте, петухе и лисе, о козе с козлятами и т. п. Стабильность песенных вставок объясняется тем, что сказки о животных бытуют преимущественно в детской среде. Образы сказок о животных очень выразительны, четки и отшлифованы народом до малейших деталей.

Особенно популярны в русском фольклоре сказки о лисе: о том, как лиса, притворившись мертвой, крадет с воза рыбу, как она учит волка удить хвостом рыбу, заставляет его нести ее на себе и при этом напевает: «Битый небитого везет» и т. п.

Широко распространены сказки о лисе-повитухе, лисе-плачье и лисе-исповеднице. Во всех этих сказках лиса рисуется как хитрая, лживая обманщица: лисичка-сестричка, кума-лиса, лиса Патрикеевна, лиса-краса, лисица-масляна губица, лиса-ласковые словеса и т. п. Волк в сказке рисуется обычно как дурень, «серый дурак», все время попадающий впросак; медведь — «лесной гнет», зайка-побегайка всегда труслив.

Сказкам о животных, которые рассказываются и воспринимаются, как аллегорическое повествование о людях, не чужды социальные мотивы. Последние совершенно очевидны, например, в русской сказке о коте — «бурмистре из сибирских лесов», сатирически изображающей страх лесных жителей перед «начальством», и в сказке о собаке и дятле, раскрывающей отношения между хозяином и работником. Особенно показательны в этом отношении такие сатирические сказки, как «Байка о щуке зубастой», «Сказка о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове» и сказка о птичьем суде. Таким образом, сказки о животных, возникшие в далеком прошлом, сохраняют свою остроту и в последующие эпохи.

Возможность аллегорического истолкования сказок о животных заставила обратиться к ним гениального русского баснописца И. А. Крылова, великого русского сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина, советского поэта Сергея Михалкова.

Так же, как многие сказки о животных, к доклассовому обществу генетически восходят и некоторые русские волшебные сказки. Очевидно, многие из них первоначально были мифотворчеством.

Такие персонажи волшебной сказки, как Морозко, как Морской царь, так же как чудесные зятья и животные-помощники, несомненно, чрезвычайно древнего происхождения и несут в себе элементы анимистического мировоззрения. Мифологические черты сохранились и в образе Бабы-Яги, неразрывно связанной с лесом, и в образе Кощея Бессмертного и других темных сил сказочно-го царства.

Так же как сказки о животных явились своеобразным отражением действительности, так и волшебные сказки порождены прежде всего чисто реальными условиями жизни народа. Эту реальную основу фантастики волшебных сказок и их чудес убедительно раскрывает А. М. Горький.

«Уже в глубокой древности, — говорит он, — люди мечтали о возможности летать по воздуху, — об этом говорят нам легенды о Фаэтоне, Дедале и сыне его — Икаре, а также сказка о «ковре-самолете». Мечтали об ускорении движения по земле — сказка о «сапогах-скороходах», освоили лошадь... Мыслили о возможности прясть и ткать в одну ночь огромное количество материи, о возможности построить в одну ночь хорошее жилище, даже «дворец», то есть жилище, укрепленное против врага; создали прялку, одно из древнейших орудий труда, примитивный ручной станок для тканья и создали сказку о Василисе Премудрой»¹.

Волшебные сказки сохранили черты давно исчезнувших форм социальной жизни. Мы видим в них следы экзогамии, культа предков, матриархата — пережиточные черты людоедства, жертвоприношения, «божьего суда», жестоких наказаний. Эти черты реальной действительности древних эпох, сохранившиеся в сказке нового времени, воспринимаются современным сказочником и его аудиторией, как фантастика, как поэтический вымысел.

Элементы реального быта всегда вторгались и продолжают вторгаться в волшебную сказку, в течение многих веков передававшуюся из уст в уста, от поколения к поколению.

¹ М. Горький. О литературе. Литературно-критические статьи. М., 1953, стр. 693.

Волшебные сказки, возникшие в доклассовом обществе, живут активной творческой жизнью в течение многих веков.

Поэтому наряду с пережитками, сохранившимися еще от доклассового общества, в них можно обнаружить отражение феодальных отношений и вместе с тем черты, привнесенные эпохой капитализма, и, наконец, в традиционных текстах, записанных в наше время, отзвуки советской действительности.

Так, постоянные упоминания о царях, царевнах и царевичах, наивные представления о взаимоотношениях соседствующих царств, награды в виде полцарства и т. д. находят свое объяснение в действительности раннего феодализма, а конкретное изображение отношений царя и его министров и прочих царедворцев, упоминания о графах и графских дочерях — в эпохе позднего феодализма. Эпоха капиталистических отношений наложила свой отпечаток на содержание волшебных сказок, она повысила интерес сказочников и их слушателей к мотивам богатства, денег, капитала, к таким героям, известным и феодальной сказке, как купец, купеческий сын, приказчик.

В конце XIX — начале XX в. в сказке особенно отчетливо зазвучали мотивы, связанные с классовым расслоением деревни; носителем положительных идеалов сказки выступает сплошь и рядом представитель деревенского пролетариата — разоренный безземельный бедняк, батрак, вынужденный уходить на заработки.

Обновляясь и трансформируясь, традиционная волшебная сказка продолжает жить и в наши дни.

Советским собирателям удалось «открыть» многих замечательных сказочников, бережно хранящих и мастерски рассказывающих традиционные волшебные сказки.

Однако круг слушателей волшебной сказки суживается, она все больше и больше становится сказкой для детей.

Обновляя сказку, модернизируя ее, современные сказочники невольно нарушают ее традиционный стиль, способствуют ее умиранию. То, что в волшебную сказку советского времени входят такие понятия, как автомобиль, самолет, радио, телефон, что действие сказки нередко переносится в условия колхозной жизни, естествен-

но и неизбежно, но это также неизбежно ведет к безвкусице и нарушению заповедей сказочной поэтики.

То, что советские сказочники пытаются нередко аллегорически истолковать образы волшебной сказки, приводит к стилизации, не совместимой с живым устным творчеством. Однако процесс умирания волшебной сказки идет чрезвычайно медленно: секрет жизнеспособности ее в высокой идейной и эстетической ценности.

Волшебные сказки являются выражением мировоззрения народа, его представлений о добре и зле, выражением народных идеалов, «чаяний и ожиданий». Они говорят о борьбе светлых и темных сил. В плане раскрытия народных воззрений очень важны сказки о судьбе и доле, о горе, о правде и кривде, в них особенно ясно ставится вопрос о социальных, общественных отношениях. Во всех этих сказках сочувствие рассказчика всегда на стороне обездоленного, бедного мужика, в них настойчиво звучит мысль о конечном торжестве справедливости, о неизбежности победы над нуждой и горем; спор между правдой и кривдой в них неизменно решается в пользу правды.

Волшебная сказка пронизана оптимизмом: зло неизменно побеждается добром, положительный герой выходит победителем из всех своих приключений, всегда успешно разрешает все трудные задачи; чаще всего сказка кончается благополучным возвращением героя и свадебным пиром на весь мир.

Тем, что волшебная сказка выражает мечты народа о торжестве правды, о светлой жизни, определяется ее тематика, характер ее сюжетов и персонажей.

Наиболее популярными волшебными сказками в русском сказочном эпосе являются сказки о трех царствах, о волшебном кольце, о чудесном бегстве, о царе Салтане, о Елене Прекрасной, о Сивке-бурке, о Кощее. Все эти сюжеты нередко композиционно объединяются, образуя все новые и новые произведения этого жанра.

Основной герой волшебной сказки — Иван-царевич, или крестьянский сын, Медвежье ушко, солдатский сын, Покати-горошек, Андрей-стрелец. Герой этот — носитель высокой человеческой морали, воплощение народных идеалов, он — красив, честен, мужествен, силен и гуманен, совершает героические подвиги, выполняет трудные

задачи, освобождает томящуюся в неволе царевну, добывает Жар-птицу, убивает Кощея, нередко выступает как змеборец.

Тем, что в сказке обычно рисуется вероломное поведение братьев или спутников положительного героя, еще больше подчеркивается его высокий моральный облик, в частности, его гуманное отношение к людям и животным.

Иногда положительный герой в начале сказки изображается отталкивающим, безобразным; он всеми презираем, сидит на печи и перегребает сажу. Таковы Емеля и Иван-дурак, которые затем при содействии чудесного помощника преобразуются в умного и красивого Емельяна Ивановича, в Ивана — крестьянского сына, наделенного всеми качествами положительного героя. Таков и Незнайка, оказывающийся непобедимым богатырем.

Глубокий смысл образа Ивана-дурака, его оптимистический характер А. М. Горький раскрыл в своем докладе на Первом съезде советских писателей. «Коллективу, — говорил он, — как бы свойственны сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами. Герой фольклора — «дурак», презираемый даже отцом и братьями, всегда оказывается умнее их, всегда победитель всех житейских невзгод, так же как преодолевает их и Василиса Премудрая»¹.

Многообразны положительные женские образы волшебной сказки. Это мудрые девы, обладательницы чудесной силы, такие красавицы, «что ни в сказке сказать, ни пером описать». Нередко героиня обладает даже большей силой, умом и находчивостью, чем герой сказки: таковы Елена Прекрасная, Василиса Премудрая, Марья Моревна. Волшебная сказка любовно рисует нежный образ верной возлюбленной Фениста-ясна сокола, которая три пары железных башмаков истоптала, три чугунных посоха изломала, три каменных просвиры изглодала, чтобы найти своего возлюбленного. Полон очарования образ невинно гонимой падчерицы и оклеветанной жены «безручки» и поэтический образ Снегурочки.

Большую роль в волшебной сказке играют чудесные помощники героев: Опивало и Обьедало, Горыня, Дубы-

¹ М. Горький. О литературе. Литературно-критические статьи. М., 1953, стр. 698.

ня и Усыня, старушки-задворенки, чаще всего чудесные животные: Сивка-бурка, Серый волк, Ногай-птица, Кот, Кобель и другие.

Немалую роль в волшебных сказках играют и чудесные предметы, как, например, скатерть-самобранка, ковер-самолет, шапка-невидимка, сапоги-скороходы и другие, которые помогают герою в его борьбе со злом.

Светлому миру положительных сказочных героев и их помощников противостоят враждебные им темные силы сказочного царства: Кощей Бессмертный, Баба-Яга, Лихо одноглазое, Змей о трех, девяти и двенадцати головах — образы, воплотившие в себе представления народа о насилии, зле и коварстве. Из них одна лишь Баба-Яга в некоторых сказках помогает положительному герою, обезоруживающему ее своим умелым обхождением.

Чудесное содержание волшебной сказки обусловило и ее форму, своеобразную обрядность волшебной сказки, ее богатую словесную орнаментику.

Недаром Пушкин под впечатлением сказок, которые он слышал от своей няни, в письме к брату писал: «Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»¹.

Многие волшебные сказки, особенно в исполнении сказочников-мастеров, начинаются с присказки, которая настраивает слушателя на особый лад, переносит его в чудесный сказочный мир. «Было это дело на море, на океяне, — начинает сказку о Богатырке-Синеглазке сказочник Семенов из Белозерья, — на острове Кидане, стоит дерево — золотые маковки; по этому дереву ходит кот баюн, вверх идет — песню поет, а вниз идет — сказки сказывает. Вот было бы любопытно и занятно посмотреть! Это не сказка, а еще присказка идет, а сказка вся впереди». Ту же цель — перенесение слушателя в особую сказочную атмосферу — преследует и распространенный зачин: «В тридевятиом царстве, в тридесятом государстве». Иногда эта формула дается в ироническом плане: «В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, на ровном месте, как на бороне»; или «под номером седьмым, где мы сидим».

Присказке и зачину соответствуют сказочные исходы и

¹ А. С. Пушкин. Письма. Под редакцией и с примечаниями Б. Г. Модзалевского, т. I. Л., 1926, стр. 97.

концовки. Обычно в волшебных сказках, рассказанных хорошим сказочником, очень четкая и разработанная концовка, которая как бы ограничивает сказку от действительности. Чаще всего сказка кончается описанием пир: «Устроили пир на весь мир, и я там был — мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попадало». Нередко в концовке делается намек на желательность угощения или награды сказочнику, что, очевидно, идет от традиции сказочников-профессионалов, «Вот вам сказка, а мне бубликов связка». Или: «Тут и сказке конец, сказал ее молодец, а нам, молодцам, по стаканчику пивца, за окончание сказки по рюмочке винца».

Своеобразие стиля волшебных сказок способствует обилие в них повторяющихся традиционных сказочных формул типа «скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается», «ни в сказке сказать, ни пером описать» и традиционных общих мест вроде «Сивка-бурка — вещая каурка бежит, земля дрожит, из ноздрей дым, из ушей пламя пышет»; «Баба-Яга — костяная нога в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает».

Все эти специфические особенности волшебной сказки, так же как разнообразные приемы ретардации¹, традиционная троичность, как постоянные эпитеты, дали необычайно нарядное повествование, своеобразную украшенность волшебной сказки, соответствующую ее содержанию, в результате чего достигается органическое единство формы и содержания, создается высокопоэтическое произведение.

Вместе с тем нередко в волшебную сказку рассказчиком, особенно современным сказочником, вводятся яркие реалистические эпизоды — описание безотрадной обстановки дореволюционной деревни, тяжелой жизни бедняка-крестьянина, крестьянской работы, острые, нередко драматизированные диалоги, в которых раскрываются психологические переживания героев.

Такие бытовые детали, вводимые в фантастическую сказку, приближали ее к действительности, заставляли слушателей с еще большим вниманием вникать в причудливое и красочное повествование, усиливали социальную направленность волшебной сказки.

¹ Замедление повествования.

В репертуаре русских сказочников значительное место занимают и так называемые авантюрные сказки: в них нет элементов волшебного, фантастика их совершенно иного качества — это занимательный рассказ о необычайных приключениях героя, о чудесных путешествиях, о трудных задачах, которые он разрешает, благодаря своей находчивости и уму, об опасностях, которые он преодолевает, благодаря своей ловкости и изобретательности. Герой авантурной сказки — солдат, купеческий сын, приказчик, шут, иногда ловкий вор. Авантурные сказки часто трудно разграничить от широко распространенных сказок-новелл о верной жене, о девушке-воине, об укрощении строптивой жены и др. Действие авантурных и новеллистических сказок разворачивается в деревне или «столичном городе». Нередко действующие лица тех авантурных сказок, источником которых является лубочная книга, — графы, графские дочери, генералы, полковники, богатые купцы, которые «гуляют в шикарных гостиницах» и владеют «богатыми магазинами». И в этих сказках народный мастер умеет дать яркие реалистические образы, показать и осудить социальную несправедливость, рассказать о торжестве добра и справедливости над злом и ложью.

Значительное место среди новеллистических сказок занимают сказки о мудрых ответах. Это сказки о девке-семилетке, или о стриженной девке, посрамляющей барина или царя своим остроумием. Своеобразную интерпретацию сюжета об умных ответах представляют сказки о «Беспечальном монастыре», высмеивающие монастырскую жизнь, глупых монахов, а заодно и царя. Новеллистические сказки этого типа обычно близки к бытовым сказкам.

Близки к авантурным сказкам и так называемые «исторические» сказки, героями которых являются исторические деятели. В русском репертуаре особенно распространены сказки об Иване IV и Петре I. Историческая память народа равно любовно воспроизводит образ сказочного героя Никиты Кожемяки, победившего по преданию Змея, и исторического Ивана Грозного, стоящего на стороне народа в борьбе против бояр. Образы Ивана IV и Петра I часто приходят на смену друг другу в одних и тех же сюжетах. В сказках «Горшения», «Царь и вор»,

«Царь и солдат» они рисуются как демократичные, доступные простым людям правители.

Образ народолюбивого, мудрого «простого», правителя неоднократно встречается в народной сказке и порожден ограниченностью мировоззрения крестьянина эпохи феодализма.

«Исторические» сказки занимают как бы промежуточное положение между двумя жанрами: сказкой и преданием. Как только сказочник в своем повествовании делает установку на быль, как только он начинает преподносить его как рассказ о действительно имевших место исторических событиях, уничтожается сказочность повествования, меняется характер образов, и перед нами иной жанр устной прозы — предание.

Особенно широко распространены в русском репертуаре близкие к анекдоту бытовые сказки.

Ценность бытовых сказок подчеркивал В. Г. Белинский: «В них виден, — писал он, — быт народа, его домашняя жизнь, его нравственные понятия и этот лукавый русский ум, столь склонный к иронии, столь простодушный в своем лукавстве»¹.

В этих сказках, отличающихся особой социальной заостренностью, мы видим героя, мужика или солдата, в хорошо знакомой сказочнику обстановке русской дореволюционной деревни. Обычно в бытовой сказке подчеркивается социальное и экономическое положение героя, чаще всего — это бедный мужик или батрак; излюбленный герой бытовой сказки и бывалый солдат.

Бытовая сатирическая сказка метко и зло высмеивает людские пороки: лень, глупость, упрямство, скупость. Она рисует смешной образ ленивой и глупой жены, дурня, делающего все наперекор здравому смыслу, смеется над упрямой женой, предпочитающей лучше утонуть, чем покориться мужу, над нелепыми поступками «пошехонцев».

Остроумные и смешные бытовые сказки имеют большое воспитательное значение и широко популярны как в детской, так и во взрослой аудитории.

В бытовой сказке ярче всего отразилась действительность эпохи позднего феодализма и эпохи капитализма.

¹ В. Г. Белинский. Соч., ч. V. М., 1865, стр. 220.

В пореформенные годы в памяти крестьян еще живы и достаточно яркие воспоминания о крепостных отношениях, отсюда — сохранившаяся актуальность антикрепостнических сказок и после отмены крепостного права. Помещик в результате реформы остался для крестьянина все тем же врагом и эксплуататором, отсюда — живучесть таких, антибарских по своему существу и антикрепостнических по своему происхождению сказок, как сказка о барине, который хотел узнать нужду, о глупой барыне, которая отпускает свинью на свадьбу, о мужике, который заставляет барина караулить шляпу, под которой будто бы сидит сокол, а сам уезжает на его лошади и т. п.

Характерной чертой пореформенного периода является крайнее оскудение крестьянских хозяйств, разорение и обнищание массы крестьянства. Это ярко отразилось в сказочных текстах, записанных в конце XIX — начале XX в. Сказочники настойчиво говорят о крайней и безвыходной бедности героя, нередко указывают на то, что трудолюбие крестьянина не в силах победить душашую его нищету. Часто в сказках звучит мотив голода: «Жили они очень бедно, подчас и есть было нечего».

Исключительно настойчиво мотив бедности, нищеты и разорения звучит в сказках выдающегося сказочника 70-х г. безземельного крестьянина Абрама Новопольцева, испытавшего на себе всю тяжесть классового расслоения и обнищания пореформенной деревни: сказочник не жалеет красок для того, чтобы изобразить крайнюю нужду своих героев.

Основным героем сказки пореформенного периода становится батрак, которого бедность заставила идти в люди, или ремесленник, которого нищета толкнула пойти на отхожие промыслы. Сказка подчеркивает вынужденность разрыва с сельским хозяйством, родной деревней, семьей.

Многочисленные сказки о батраке подчеркивают тяжесть подневольной жизни в работниках. Не случайно в сказках о работнике и попе, о барине и работнике столь постоянно говорится об условиях найма, направленных на то, чтобы задаром эксплуатировать рабочую силу. Именно тяжесть и бесперспективность положения батрака являлись основой для создания ска-